

Woman in Russian Society
2019. No. 2. P. 87—97
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.8

Женщина в российском обществе
2019. № 2. С. 87—97
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.8

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИОЗНОМ ИНАКОМЫСЛИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На материалах Вятской губернии)

А. А. Машковцев, В. В. Машковцева

Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru

Рассмотрена роль женщины в старообрядческих, сектантских, баптистских организациях на территории Вятской губернии в XIX — начале XX в. Опираясь на ранее не опубликованные материалы, извлеченные из фондов центральных и региональных архивов, авторы показали значение женщины в сохранении конфессиональной самобытности религиозных объединений, являвшихся объектом жестких преследований со стороны региональных властей и официальной церкви. В частности, раскрыта роль женщины в духовном образовании и воспитании детей, сохранении накопленного духовного опыта и традиций и их передаче последующим поколениям, а также в распространении религиозных воззрений старообрядцев, духовных христиан, баптистов.

Ключевые слова: старообрядцы, духовные христиане, баптисты, религиозное инакомыслие, книжная культура, образование, конфессиональная политика.

WOMAN'S ROLE IN RELIGIOUS DISSENT IN THE XIX — EARLY XX c. (On the materials of Vyatka province)

A. A. Mashkovtsev, V. V. Mashkovtseva

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, wikma116@rambler.ru

The article examines the role of women in the Old Believer, sectarian, Baptists organizations in the territory of Vyatka province in the XIX — beginning of the XX c. The study is based on the documents extracted from the funds of the central and regional archives (the Russian State Historical Archive, the National Archive of the Republic of Tatarstan and the State Archives of the Kirov Region), as well as published sources presented by statistical data and regulations. Drawing on previously unpublished material, the authors showed the importance of women in preserving the confessional identity of religious associations,

which were the object of severe persecution by the regional authorities and the official church. In particular, the article reveals the role of women in preserving the accumulated spiritual experience and traditions and transferring them to succeeding generations, as well as spreading the religious views of the Old Believers, spiritual Christians, Baptists. The active position occupied by women in the education and training of the children of the Old Believers, which was inextricably linked with the comprehension of religious truths, was highlighted. In this connection, the authors disclose the specificity of the perception of the Donikonov book by the Old Believers as the bearer of indisputable truth, holiness and unshakable traditions, the role of women in preserving the book culture is revealed, and the level of literacy among the adherents of the Old Believer is analyzed with regard to gender. Much attention is paid to the characterization of legal aspects — the identification of penalties exercised by authorities in the period under consideration for adherents of Old Believers and sectarianism. Penalties included the deportation to settlement in the Transcaucasian region, exile to Eastern Siberia, imprisonment, physical punishment (thrashing). At the same time, the gender of the person did not contribute to mitigation of punishment: women were subjected to the same severe penalties as men. However, the severity of the punishment for spreading the old-faith and sectarianism failed to stop their adherents, including women.

Key words: Old Believers, spiritual Christians, Baptists, religious dissent, book culture, education, confessional politics.

Одна из малоизученных тем отечественной историографии — роль женщины в религиозных течениях, подвергавшихся притеснениям и религиозным гонениям. В Российской империи до начала революции 1905—1907 гг. к таковым относились старообрядчество, духовное христианство и некоторые течения в протестантизме, в частности баптизм. В рамках данного исследования проанализирован вклад женщин в сохранение конфессиональной самобытности названных религиозных групп, их роль в обрядовой практике, а также в духовном образовании и воспитании подрастающего поколения. Территориальные рамки исследования включают в себя Вятскую губернию XIX — начала XX в., где весомо было представлено как староверчество, так и сектантство.

Мировоззрение старообрядцев традиционно отличалось консерватизмом. Это касается не только религиозных аспектов и стремления сохранить «древнее благочестие», приверженность обрядам дониконовской церкви, но и осмысления культуры, восприятия семьи, взглядов на воспитание и обучение детей, уклада жизни. Семьи старообрядцев всегда были многочисленными и включали в себя представителей нескольких поколений. Женщине в такой семье отводилась роль хранительницы домашнего очага, что предполагало прежде всего ведение хозяйства и заботу о детях. Однако лишь этим предназначением не ограничивалось восприятие женщины в среде «ревнителей древнего благочестия». Выполняемые ею функции выходили далеко за пределы решения бытовых вопросов и касались важных философских проблем. В частности, женщина принимала непосредственное участие в сохранении накопленного старообрядцами духовного опыта и традиций и передаче их последующим поколениям. В представлении старообрядцев данный процесс осуществляется в ходе образования, основу которого составляет осмысление религиозной литературы.

Вспомним, что старообрядцы всегда стремились к развитию образования в своей среде. Между тем на протяжении длительного периода времени, вплоть до 1905 г., они не могли открывать свои школы, в связи с чем дети староверов получали домашнее образование, их обучали родители, а в большей степени — дедушки и бабушки. Это было обусловлено тем, что представители старшего поколения в семье считали необходимым передать свои знания и веру сыновьям и внукам как духовное наследие, нравственный завет. Староверы открывали и свои школы, но вынуждены были делать это нелегально, поскольку в случае обнаружения таковых они закрывались местными властями, опасавшимися распространения старообрядчества. Инспектор народных училищ Нолинского уезда в донесении от 28 февраля 1904 г. отметил, что тайные старообрядческие школы существовали почти во всех крупных деревнях, населенных староверами, особенно в Мальканской и Немской волостях. Например, в деревне Власовской Мальканской волости действовала школа в доме Епистимии Логиновой [ГАКО, ф. 258, оп. 1, д. 38, л. 92]. Инспектор выделил два типа нелегальных школ староверов. В одних детей учили «только механизму славянского чтения... буквосочетательным методом», обучение письму не предполагалось. В других школах детей готовили к проведению общественных богослужений и с этой целью учили пению с голоса и по нотам (крюковым), беглому чтению по славянским книгам, знакомили со старообрядческим уставом [там же, ф. 205, оп. 3, д. 2480, л. 39 об. — 40]. Часто староверы обучались грамоте у так называемых раскольнических девиц, отказавшихся от супружеской жизни и именовавшихся келейными. Это были грамотные наставницы, пользовавшиеся большим уважением среди старообрядцев. Они исполняли религиозные требы у своих единомышленников. Помимо старообрядцев, к ним для овладения грамотой отправляли своих детей и приверженцы официальной церкви. Впоследствии, как отметил вятский губернатор, «такие дети, выучившись у раскольников, по внушению их» становились старообрядцами [РГИА, ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 4 об.]. Как видим, женщины в среде приверженцев староверия занимали активную позицию в деле воспитания и обучения детей, что неразрывно связывалось с постижением религиозных истин.

Носительницей непререкаемой истины, святости и незыблемых традиций, в представлении старообрядцев, являлась книга дониконовского письма. По мнению известного исследователя старообрядчества А. В. Карташева, именно исправление книг по «греческим новопечатным» образцам и изменения в обрядовой стороне религии привели к расколу в Русской православной церкви [Карташев, 1992]. Старинные книги бережно хранились, переписывались и передавались старообрядцами по наследству. Осознание своей ответственности за книгу побуждало староверов бороться за сохранение книг и возвращение литературы, изъятой представителями официальной власти. Судьба конфискованных книг определялась действовавшими правилами: после рассмотрения в Вятской духовной консистории самые опасные из них, с точки зрения церкви, отправлялись в ризницу кафедрального собора для секретного хранения или во второй департамент МВД; богослужебные книги отсылались в местную единоверческую церковь и, наконец, книги, которые могли быть использованы при работе в миссионерском отделении, передавались в семинарское правление, епархиальную библиотеку или библиотеку братской «противораскольнической» школы.

В сбережении религиозной литературы принимали участие и женщины. При этом, отстаивая свои права, старообрядцы обращались и в центральные органы власти. Например, в ноябре 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило ходатайство Натальи Телициной. Помощник глазовского уездного исправника Трапицын в ходе следствия по делу о распространении староверия крестьянином Иваном Седовым произвел обыск в ее доме и изъял несколько книг, в частности «Часослов», «Канонник», «Часовник», «Цветник», «О страстях Христовых». По мнению Н. Телициной, данная экспроприация была осуществлена незаконно, поэтому она ходатайствовала о возвращении ей отображенных книг. Ранее она обращалась с такой просьбой к вятскому губернатору, но безуспешно. Подчеркивая важность для нее священных книг, Н. Телицина отметила, что она получила их от родителей по наследству. Однако все вышеперечисленные книги оказались напечатанными «в недозволенных типографиях», в связи с чем, по распоряжению епископа Вятского и Слободского Аполлоса, они были отосланы в семинарское правление для миссионерского отделения [там же, ф. 1284, оп. 219, д. 44, л. 4 об.]. По выяснении обстоятельств дела прошение Н. Телициной не было удовлетворено и Министерством внутренних дел.

Подобное негативное отношение властей к старообрядческой литературе объясняется тем, что должностные лица рассматривали ее как один из способов пропаганды староверия. По мнению обер-прокурора Синода А. П. Ахматова, «обращение в простом народе печатных раскольнических книг, особенно при содействии лжеучителей, не может быть безопасно для православия» [там же, ф. 797, оп. 32, д. 196, л. 2]. С руководством Святейшего синода были согласны и представители местной администрации, в частности, вятский губернатор выделил в качестве одной из главных причин развития старообрядчества распространение книг, изданных самими староверами [там же, ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 3]. В связи с этим губернатор в числе мер по искоренению старообрядчества назвал запрет на продажу такой литературы (наряду с иконами) книготорговцами, часто приезжавшими из Владимирской губернии [ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 271, л. 80].

Благодаря развитию системы домашнего образования, почитанию книжной культуры в среде старообрядцев был достаточно высокий уровень грамотности. При этом данный вопрос по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями. Православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на упорстве в отстаивании своих взглядов и на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецова Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе...» [там же, ф. 274, оп. 1, д. 4, л. 2]. Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Старообрядчество, — пишет М. О. Шахов, — характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [Шахов, 1998: 25]. Согласно статистике, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23,0 %, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36,0 %, а в северных областях достигал даже 43,0 %. [Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев, 1910: 201—202].

Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Сопоставим уровень грамотности в среде приверженцев официальной церкви и старообрядцев, проживавших на территории Вятской губернии, с учетом их половой принадлежности.

В соответствии с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2 %. Это сопоставимо с аналогичным показателем у приверженцев официальной церкви — 15,7 %. Основная масса грамотных староверов приходилась на долю мужчин: среди них грамотными были 25,5 %. Грамотных женщин в среде старообрядцев было почти в 4 раза меньше — 6,5 % (в среде приверженцев официальной церкви — почти в 3 раза меньше) [Первая всеобщая перепись..., 1904: 90]. Вероятно, это было обусловлено консерватизмом мировоззрения старообрядцев: женщина традиционно воспринималась как мать и хозяйка.

Гражданское законодательство, регулировавшее государственно-старообрядческие отношения, содержало ряд серьезных ограничений «прав семейственных и имущественных». Прежде всего, браки старообрядцев, как не освященные в Русской православной церкви, не признавались законными, а рассматривались исключительно как «сопряжения любодейные» [Обзор мероприятий Министерства внутренних дел..., 1903: 121]. При выявлении подобных фактов незаконного венчания староверов представители духовенства официальной церкви в ходе беседы пытались убедить приверженцев «древнего благочестия» в необходимости совершения обряда венчания в православном или единоверческом храме. В том случае, если старообрядцы проявляли упорство и отказывались выполнить предъявленное требование, они подлежали наказанию по всей строгости закона. Последнее в равной степени касалось как мужчин, так и женщин. При этом местные власти (уездный суд, Вятская палата уголовного и гражданского суда) занимали порой более жесткую позицию, чем центральные, в частности Комитет министров.

Так, в Глазовском уездном суде рассматривалось дело о крепостных мастеровых Омутнинского железоделательного завода М. Погосове, А. Задворнове, А. Криулине, Е. Бояринцеве, Е. Фролове, С. Дмитриеве, в вину которым было поставлено «упорство и ослушание в освящении своих раскольнических браков с девками» через венчание в православном или единоверческом храме [ГАКО, ф. 582, оп. 129, д. 64, л. 1—1 об.]. 13 декабря 1845 г. суд вынес решение, в соответствии с которым всех названных старообрядцев следовало наказывать плетью (а их жен, не признанных законными, — розгами) и затем отдать в солдаты; если последнее невозможно по объективным причинам — отправить в арестантские роты. Для тех же, кто окажется неспособным к работам и в данных исправительных подразделениях, была предусмотрена ссылка в Сибирь. Вслед за тем дело было рассмотрено Вятской палатой уголовного и гражданского суда, которая вышеназванное решение признала правомерным и постановила определить в качестве наказания старообрядцам — фигурантам следствия — 10 ударов плетью каждому, затем — отправление солдатами в Кавказский корпус или в арестантские роты; при невозможности приведения в исполнение одной из этих мер присуждалась ссылка на поселение в Закавказский край. А. Задворнову, Е. Смирнову, А. Касаткину, М. Птицыну, А. Иванову и П. Кожевникову, как состоявших в незаконном браке, надлежало наказывать физически — по 15 ударов

розгами каждой — и оставить в прежнем месте жительства [там же, л. 4—5 об.]. В соответствии с предусмотренными правилами вятский губернатор уведомил о результатах проведенного расследования министра внутренних дел, а последний, в свою очередь, обратился для определения окончательного решения по данному делу в Комитет министров. Вердикт, вынесенный 3 сентября 1846 г., оказался, на наш взгляд, менее жестким, чем ранее последовавшие решения местных судебных инстанций. Всех проходивших по этому делу старообрядцев необходимо было «подвергнуть... еще раз самому тщательному увещанию о повенчании в православной или единоверческой церкви». Если же они и после выслушанного наставления окажутся непреклонными, то «за ослушание против начальства выдержать их в тюрьме по два месяца каждого» [там же, л. 7 об.]. Никто из приверженцев староверия не изъявил желания присоединиться к официальной церкви и освятить свой брак через венчание в православном или единоверческом храме, вследствие чего решение Комитета министров было приведено в исполнение и во второй его части. Это касалось всех наказуемых старообрядцев, независимо от их половой принадлежности.

Очень непросто складывались взаимоотношения старообрядцев с приверженцами официального православия. Непримируемую позицию по отношению к духовенству Русской православной церкви, как правило, занимали беспоповцы. Это объяснялось их религиозными воззрениями, согласно которым со времен патриарха Никона в мире воцарился антихрист, под власть которого попала и православная церковь. Для приверженцев беспоповского толка это означало «перерыв священства в Никонианской церкви», прекращение тайнодействий, оскудение благодати [Флоровский, 1988: 69]. Таким образом, с приходом антихриста православная церковь утратила свою истинность, благодать, святые таинства. Вследствие этого, по словам известного богослова Г. Флоровского, она вступила в новый этап своего бытия на земле — «бессвященнословное» состояние. Беспоповцы не допускали возможности дальнейшего существования института священства. В отличие от беспоповцев поповцы, хотя и верили в пришествие антихриста, но считали, что благодать не покинула церковь, так как не все священники признали новшества патриарха Никона и согласились с ними [Зеньковский, 1995: 435]. Они верили в то, что есть епископы, сохранившие верность «древнему благочестию». Такими догматическими расхождениями обусловлено и различие восприятия православного духовенства беспоповцами и поповцами. Первые нередко отказывались от общения с православными священниками, открыто высказывая свое негативное отношение к ним. Среди настроенных радикально были и женщины. Например, 20 декабря 1867 г. в Малмыжском уездном суде слушалось дело Парасковьи Столбовой. Она обвинялась в «нарушении благочиния» в своем доме. П. Столбова с криками и палкой в руках бросилась на священника и дьякона, пришедших в ее дом со святыми иконами во время пасхального крестного хода [ГАКО, ф. 237, оп. 153, д. 440, л. 2]. Давая показания на суде, П. Столбова не призналась ни в произнесении ругательных слов в адрес официальной церкви и ее духовенства, ни в том, что угрожала священнослужителям палкой. Свой отказ пустить их в дом она мотивировала тем, что была тогда не одета (находилась в одной рубашке). Однако благодаря свидетельским показаниям вина П. Столбовой была доказана и суд приговорил ее к аресту сроком на один месяц [там же, ф. 56, оп. 1, д. 889, л. 5].

Женщины играли важную роль не только в староверии, но и в сектантстве, в первую очередь в так называемом духовном христианстве. К последнему относились различные религиозные течения, отличавшиеся от православия не только обрядовой стороной, но и догматикой — духоборы, субботники, прыгуны и пр. На территории Вятской губернии духовное христианство было представлено двумя крупными течениями — молоканством и скопчеством. Молокане впервые появились на вятской земле в начале 50-х гг. XIX в. В отличие от старообрядцев, живших практически во всех уездах Вятской губернии (кроме Котельничского), молокане были сконцентрированы лишь на юго-востоке края — в Сарапульском уезде (территория современной Удмуртии). Широкое распространение здесь молоканства произошло в период реализации крестьянской реформы Александра II. В результате ее проведения крестьяне лишились значительной части принадлежавшей им ранее земли. При этом местное православное духовенство однозначно встало на сторону властей, призывая прихожан к смирению. Естественно, подобная позиция не могла не отразиться на авторитете церкви. Этим сразу же воспользовались молокане, которые не только поддержали крестьян, но и возглавили антиправительственное движение в крае. Молокане выглядели в глазах местных жителей как народные заступники, что резко повысило их популярность и привело к многократному увеличению адептов секты.

В крестьянском движении, проходившем под молоканскими лозунгами, активное участие принимали не только мужчины, но и женщины. Наибольший размах молоканство получило в Мостовинской, Соколовской и Галановской волостях Сарапульского уезда [РГИА, ф. 1284, оп. 219, д. 40, л. 12]. В 1867 г. в Мостовинской волости молоканами себя объявили 98 семейств, насчитывавших 541 человека (264 мужчины и 277 женщин). В Галановской волости было 143 молоканские семьи численностью 720 человек (357 мужчин и 363 женщины). В Соколовской волости насчитывалось 9 молоканских семейств численностью 52 человека (28 мужчин и 24 женщины) [ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 2340, л. 35—37]. Кроме того, 48 молокан (25 мужчин и 23 женщины) проживали в самом Сарапуле [там же, ф. 582, оп. 27, д. 7, л. 40]. Таким образом, всего на территории Сарапульского уезда насчитывался 1361 молоканин, в числе которых 687 (50,5 %) женщин.

Активизация молоканства в Сарапульском уезде, особенно роль молокан в протестном движении удельных крестьян, вызвала серьезную обеспокоенность не только губернских, но и имперских властей. На подавление крестьянских выступлений были направлены войска, а полиция осуществила массовые аресты молоканских лидеров и активистов. В течение октября — ноября 1867 г. в Сарапульский тюремный замок было помещено 193 молоканина, из них 3 женщины [там же, л. 27]. Большинство арестованных находилось в остроге до марта 1868 г., при этом условия их содержания были очень тяжелыми. Камеры, в которых сидели молокане, были переполнены и плохо отапливались. Пищевой рацион подследственных также отличался крайней скудостью. Впоследствии это привело к нескольким летальным исходам [там же, ф. 21, оп. 1, д. 2340, л. 1].

Одновременно с этим власти использовали меры материального давления на сектантов. Они предложили сельским общинам разделить землю тех молокан, которые отказывались ее обрабатывать и вносить выкупные платежи [РГИА,

ф. 1284, оп. 219, д. 40, л. 4 об.]. Угроза лишиться земли — основного источника существования крестьянина — оказалась даже более эффективной мерой, чем тюремное заключение или ссылка. Все эти факторы обусловили начало упадка молоканства на территории губернии. Если в 1870 г. в одной лишь Мостовинской волости насчитывалось около 600 молокан [ГАКО, ф. 237, оп. 15и, д. 1051, л. 54], то к концу XIX в. их количество сократилось примерно до 30 человек [там же, ф. 582, оп. 26, д. 1064, л. 5 об.].

Вятские женщины активно вовлекались не только в молоканство, но и в еще одно течение в духовном христианстве — скопчество. Данная мрачная организация известна своей варварской обрядовой практикой, которая роднит ее с современными тоталитарными сектами. Основатель скопчества — Кондратий Селиванов заявил о том, что единственным способом спасения души является борьба со всеми страстями, в первую очередь с плотским влечением. Победа над последним может быть достигнута лишь при помощи оскпления (кастрации).

В результате у скопцов возник такой варварский ритуал, как «огненное крещение». Вступавший в секту человек получал так называемую «малую печать», если ему удаляли половые железы. Самые фанатичные и экзальтированные сектанты решались на еще более опасную операцию по полному удалению половых органов («большая, или царская, печать»), а иногда вырезали у себя грудные мышцы и другие части тела [Малахова, 1970: 36]. При этом подобные операции проводились не профессиональными хирургами, а самими сектантами, в лучшем случае владевшими некоторыми ветеринарными и зоотехническими навыками. Оскпление часто совершалось в антисанитарных условиях и при отсутствии анестезии, что приводило к серьезным осложнениям и даже смерти людей.

Естественно, что отношение властей к скопчеству было самым негативным. Скопцы принадлежали к числу так называемых изуверских сект, за причастность к которым грозило суровое наказание. Тем не менее скопцы постоянно пополняли свои ряды, в первую очередь за счет православных верующих. Неофитов привлекала возможность повысить свой жизненный уровень, поскольку богатые скопцы оказывали значительную материальную поддержку своим единоверцам. Во второй четверти XIX в. скопчество проникло и на Вятскую землю. В мае 1849 г. началось одно из самых громких скопческих дел того периода, которое имело широкий общественный резонанс и привлекло внимание самого императора Николая I. Жительница деревни Шевырялово Акулина Русинова, явившись на исповедь к сарапульскому протоиерею П. Анисимову, рассказала о том, как ее соседки и родственницы Елена и Екатерина Русиновы уговорили ее прийти на собрание скопцов и принять участие в их богослужении. Узнав об этом, протоиерей убедил девушку в необходимости явиться в полицию [ГАКО, ф. 582, оп. 131, д. 63а, л. 3].

В сентябре 1849 г. правоохранительные органы арестовали 11 подозреваемых, из них 6 женщин. Их возраст варьировался от 15 до 40 лет. Все они являлись крестьянами деревень Шевырялово и Заборье, причем весьма зажиточными. Так, самый старший из задержанных мужчин — Дементий Кирьянов занимался торговлей и имел наемных работников. Все арестованные категорически отрицали свою принадлежность к скопческой секте, заявив, что Акулина Русинова оговорила их из-за личной неприязни. Для того чтобы

окончательно убедиться в правдивости слов девушки, сектантов доставили в Сарапульскую городскую больницу, где подвергли принудительному медицинскому освидетельствованию. Оно показало, что 10 из 11 задержанных оказались оскопленными, при этом у женщин были удалены груди [там же, л. 23 об.]. После разоблачения все сектанты, за исключением тяжело больной Федоры Кирьяновой, были посажены в Сарапульский тюремный замок [там же, оп. 85, д. 40, л. 14 об.]. На допросах все сектанты заявили, что «оскопили сами себя для спасения душевного, руководствуясь словами евангелиста Матфея, в 19-й главе написанными» [там же, оп. 131, д. 63а, л. 24]. Следствие по делу сарапульских скопцов длилось больше года, при этом за его ходом внимательно следил Николай I. В 1851 г. Сарапульский уездный суд на основании статей 206 и 211 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных приговорил большинство сектантов к каторжным работам в Восточной Сибири. Женщины-сектанты подверглись таким же жестким наказаниям, как и мужчины.

В начале XX в. в Вятской губернии стало активно распространяться еще одно религиозное течение, уже никак не связанное с духовным христианством и имевшее западноевропейское происхождение, — баптизм. За первые 10 лет своего существования в крае баптисты нашли здесь сотни сторонников, среди которых было большое количество женщин. Одной из важнейших причин быстрого распространения баптизма как в России в целом, так и в Вятской губернии в частности была чрезвычайно активная миссионерская деятельность его приверженцев. Летом 1907 г. создается особое баптистское миссионерское общество, обладавшее значительными финансовыми возможностями и штатом хорошо подготовленных проповедников [Клибанов, 1965: 225]. Они имели богословское образование, а также приобретали навыки полемики со своими религиозными оппонентами. Это очень пригодилось им в диспутах как со старообрядческими наставниками, так и с православными священниками, которые чаще всего проигрывали баптистским пропагандистам по уровню теоретической подготовки и красноречию.

Активной миссионерской деятельностью занималось не только миссионерское общество баптистов, но и простые верующие. Известный исследователь истории старообрядчества и сектантства на территории Удмуртии Ю. М. Ивонин отмечал, что баптисты и евангельские христиане «отличались высокой активностью в миссионерской деятельности. Пропаганду вероучения начинали прежде всего в среде ближайшего окружения, особенно родственников. Они ходили или ездили к ним в гости, посещали даже тех, у кого ранее никогда не были и родней или друзьями почти не считали» [Ивонин, 1987: 56].

Быстрому распространению баптизма в Вятской губернии в немалой степени способствовали родственные связи. К примеру, дочь лидера общины евангельских христиан в селе Ершовка Казанской губернии Гурьяна Фёдорова — Евдокия вышла замуж за зажиточного крестьянина села Верхняя Слудка Вятской губернии Савелия Орехова, который также принял новую веру [НАРТ, ф. 199, оп. 1, д. 1047, л. 69]. Неоднократно фиксировались случаи, когда в небольших деревнях евангельское христианство принимали сразу несколько родственных семей.

Среди баптистских проповедников в Вятской губернии особой активностью отличались женщины. Они полностью отдавали себя миссионерской работе, тратя на это большое количество времени и средств, а иногда и подвергали

себя определенному риску. Так, миссионер слудской общины Татьяна Фалалеева регулярно разъезжала по окрестным селам, деревням и хуторам, а иногда забиралась в отдаленные населенные пункты южной части Вятской губернии, находившиеся в 40 и более верстах от Верхней Слудки. Ее смелость и целеустремленность признавало даже православное духовенство. «Она вся ушла в дело пропаганды. Не останавливается и перед опасностью. Ходит даже ночью одна за несколько верст... Не везде ее любезно встречают, но она не унывает», — отмечал православный миссионер Иоанн Маракулин [Маракулин, 1915: 1295]. Благодаря таким проповедникам, как Т. Фалалеева, баптизм на юге Вятского края приобрел достаточно прочные позиции, которые были подорваны лишь антирелигиозной кампанией и репрессиями 1930-х гг.

Таким образом, женщины играли чрезвычайно важную роль в религиозном инакомыслии на территории Вятской губернии в XIX — начале XX в. Чаще всего они составляли большинство и среди староверов, и среди сектантов, несмотря на то что на протяжении всего рассматриваемого периода и те и другие подвергались жестким преследованиям со стороны властей. Более того, во многих случаях именно женщины являлись наиболее решительными и последовательными проповедниками религиозных воззрений. Все это позволяло старообрядцам, духовным христианам, баптистам сохранять свою конфессиональную самобытность даже в условиях враждебного отношения к ним со стороны местной администрации и официальной церкви.

Библиографический список

- ГАКО (Государственный архив Кировской области).
Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М.: Церковь, 1995. 528 с.
Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: история и современность. Устинов: Удмуртия, 1987. 116 с.
Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.: Терра, 1992. Т. 1. 686 с.
Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). М.: Наука, 1965. 347 с.
Малахова И. А. Духовные христиане. М.: Политиздат, 1970. 128 с.
Маракулин И. Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 44. С. 1290—1296.
НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан).
Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1903. 340 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: Тип. князя В. П. Мещерского, 1904. Т. 10. 267 с.
РГИА (Российский государственный исторический архив).
Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев: (по данным анкеты 1909 г.). М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1910. 290 с.
Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1988. 603 с.
Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство. М.: СИМС, 1998. 208 с.

References

- Florovskii, G. (1988) *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology], Paris: YMCA-Press.
- Ivonin, Iu. M. (1987) *Khristianstvo v Udmurtii: istoriia i sovremennost'* [Christianity in Udmurtia: history and modernity], Ustinov: Udmurtiia.
- Kartashev, A. V. (1992) *Ocherki po istorii Russkoï Tserkvi* [Essays on the history on the Russian Church], vol. 1, Moscow: Terra.
- Klibanov, A. I. (1965) *Istoriia religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gg. XIX v. — 1917 g.)* [The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX c. — 1917)], Moscow: Nauka.
- Malakhova, I. A. (1970) *Dukhovnye khristiane* [Spiritual Christians], Moscow: Politizdat.
- Marakulin, I. (1915) *Raskol i sektantstvo v vostochnom raione Viatskoï eparkhii v 1914 g.* [Old Believers and sectarianism in the eastern district of the Vyatka diocese in 1914], in: *Viatskie eparkhial'nye vedomosti*, vol. 44, pp. 1290—1296.
- Obzor meropriiatii Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god* (1903) [Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs for the Old Believers from 1802 to 1881], St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del.
- Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g.* (1904) [The first general population census of the Russian Empire in 1897], vol. 10, Viatka: Tipografiia kniazia V. P. Meshcherskogo.
- Sel'skokhoziaistvennyi i ekonomicheski byt staroobriadtsev: (Po dannym ankety 1909 g.)* (1910) [The agricultural and economic life of the Old Believers: (According to the questionnaire of 1909)], Moscow: Tipografiia P. P. Riabushinskogo.
- Shakhov, M. O. (1998) *Staroobriadchestvo, obshchestvo, gosudarstvo* [Old Belief, society, state], Moscow: SIMS.
- Zen'kovskii, S. A. (1995) *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia XVII veka* [Russian Old Believers: Spiritual movements of the XVII century], Moscow: Tserkov'.

Статья поступила 09.05.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Машковцев Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Машковцева Виктория Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, wikma116@rambler.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Russian History, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).